

Евгений Водолазкин о бережном отношении к родной речи

Евгений Водолазкин

В день рождения Пушкина, 6 июня, я предложил неравнодушной к языку общественности подумать над заменой варваризма *ресепшн* каким-нибудь более благополучным словом.

К 190-летию со дня рождения Льва Толстого такое слово нашлось.

Подобно любой демократической процедуре, выбор этого слова оказался непрост.

Начальным этапом стал сбор вариантов замены. Всего на конкурс было прислано 54 слова, из которых жюри (мои коллеги-пушкинодомцы и я) выбрало 10 лучших.

Эта десятка была поставлена на голосование, в котором приняли участие 3170 человек.

Так определилась тройка финалистов: *рецепция* (17%, вариант Левона Арустамяна), *привечальня* (16%, вариант Елены Вайнбергер) и *гостевая* (14%, вариант Раисы Загидуллиной).

На этом этапе, по условиям конкурса, вновь подключилось жюри, выбравшее слово-победитель. По мысли организаторов, такой порядок конкурса позволял учесть мнения как носителей языка,

так и его исследователей. Задачей конкурса не являлась обязательная замена иностранного слова русским. Многие слова иностранного происхождения прекрасно освоены нашим языком и давно получили русское гражданство.

В этом отношении поиск эквивалента не доходил до французского радикализма, предполагающего замену иностранных слов «родными». Напомню, что Закон Тубона во Франции предписывает СМИ использовать только французские слова. Если таких слов нет, в ход идут неологизмы.

В результате долгих дебатов жюри отдало предпочтение слову *гостевая*. Оно – своего рода *via media* между уже используемым в другом значении словом *рецепция* и словом *привечальня*, слишком, я бы сказал, ярким. Именно этот вариант – *гостевая* – можно было бы рекомендовать владельцам гостиниц и прессе для обозначения места регистрации в отеле.

Конкурс порадовал прежде всего тем, что подтвердил равнодушие нашего общества к родному языку. Собственно, об этом же говорит невероятная популярность Тотального диктанта – одного из самых примечательных явлений последних лет. Приятно и то, что активное участие в конкурсе приняли люди, объединяющие в себе русскую культуру с иными. Их чувство языка отличается особой тонкостью и свежестью восприятия.

Не то чтобы организаторам конкурса хотелось непременно истребить английское слово *ресепшн*, да и вина его вовсе не в происхождении. Оно представляет большую группу слов – варваризмов, – пока русским языком не освоенных, и нет оснований полагать, что освоено оно будет быстро и безболезненно – хотя бы в силу его фонетического облика. Словарь определяет *варваризм* как «слово из чужого языка или оборот речи, построенный по образцу чужого языка, нарушающий чистоту речи носителя родного языка».

Часто варваризмы обозначают новые реалии. В оборот их вводят передовые, но очень занятые граждане, которым недосуг

заниматься переводом. Вместе с инвестициями, технологиями, сценариями телепередач и другими полезными (и не очень) вещами они заимствуют обозначающие их слова. Подобно деревенской няне моей бабушки, глотают лекарство вместе с упаковкой. На выходе, так сказать, появляются изящные штучки вроде *краудфандинга*, *стартапа*, *стендапа* или *мерчандайзера*.

Считается, что язык – это самонастраивающаяся система. Это действительно так. Но в эпоху электронных СМИ эта система больше не настраивается сама. Точнее, настраивается как может, но против постоянной трансляции слов-пришельцев у нее не много шансов.

Я противник запретов, но если наравне с *паркингом* дикторам посоветуют произносить *стоянка*, у последней будет возможность побороться за место под солнцем. Многие иностранные слова не приживаются, как не приживаются некоторые русские неологизмы. Симпатичные вроде бы слова – *земленебо* (горизонт), *мокроступы* (калоши), а ведь не прижились. И это нормально. Но благодаря словотворческой активности мы имеем в современном языке *самолет*, *пароход*, *паровоз*, *холодильник*, *пулемет* и даже *летчик*, хотя лично мне больше нравится *авиатор*.

Иностранные заимствования – это лишь частный случай неласкового обращения с языком. Не менее опасно, на мой взгляд, забывать о придаточных предложениях, которые делают речь разнообразнее и глубже. Один мой коллега как-то сказал, что если ночью его останавливают на улице и он слышит придаточное предложение, чувство опасности проходит. Человек, употребляющий сложные конструкции, уличную драку не начнет. Не знаю, во всех ли случаях это наблюдение действительно, но мой коллега, безусловно, прав в том, что сложноподчиненное предложение – это верный знак того, что человек обладает организованным сознанием и в его картине мира существуют полутона.

Особую проблему составляет непонимание значения слов – и вовсе

не только иностранных. Сколько уже было сказано относительно слова *довлеть*, которое означает *быть достаточным*, или *будировать* (дуться), а население продолжает *довлеть* и *будировать*, подразумевая совсем другое.

Поток этих слов с каждым днем увеличивается, обрушиваясь на нас стремительным, что называется, домкратом. Так, в последнее время слово *фактура* всё чаще используется в значении *совокупность фактов*, хотя обозначает оно *характер поверхности объекта*. Можно вспомнить также о неразличении *откровения* и *откровенности* и о многом другом. Такая вот невеселая фактура.

Мне представляется, что общественному обсуждению проблем языка можно было бы придать институциональный характер. Польза от этого состояла бы не столько в поиске замены отдельным словам, сколько в перемене отношения к языку вообще. Это заставляло бы нас думать об «экологии языка», если пользоваться термином Дмитрия Сергеевича Лихачева, который говорил об «экологии культуры».

Язык – это не просто система знаков, не набор кнопок, соответствующих тем или иным понятиям и явлениям. Это удивительный организм, живущий своей собственной жизнью. Мы его формируем, но в не меньшей степени и он формирует нас. При произнесении слова *мерчандайзер* не распухает язык и не меняется прикус. Такого рода лексика, вообще говоря, никакой медицинской опасности не представляет. Но, используя варваризмы, мы рискуем стать понятно кем.

✘ *Евгений Водолазкин* –

*писатель, доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института русской литературы
(Пушкинского дома)*